

Время выполнения заданий — 180 минут.
Максимальное количество баллов — 100.

1. Задание на аналитическую работу с визуальным материалом (20 баллов).

Ниже даны карикатурные изображения. 5 изображений составляют серию.

1. Укажите буквенный шифр этих 5 объектов и дайте название классификации.
2. Обоснуйте в 2-3 предложениях свой выбор.
3. Сформулируйте тезис о функциях и смысле/значении подобных изображений.

Ж.

2. Задание на критическую работу с публицистическим текстом (30 баллов).

Перед вами – фрагмент статьи В.Г. Белинского «Петербург и Москва», опубликованной в альманахе «Физиология Петербурга». Прочитайте его и ответьте на вопросы после текста.

....О Петербурге привыкли думать, как о городе, построенном даже не на болоте, а чуть ли не на воздухе. Многие не шутя уверяют, что этот город без исторической святыни, без преданий, без связи с родною страной, город, построенный на сваях и на расчете. Все эти мнения немного уж устарели, и их пора бы оставить. Правда, коли хотите, в них есть своя сторона истины, но зато много и лжи. Петербург построен Петром Великим, как столица новой Российской империи, и Петербург - город неисторический, без предания!.. Это нелепость, не стоящая опровержения! Вся беда вышла из того, что Петербург слишком молод для самого себя и совершенное дитя в сравнении с старушкою-Москвою. Так неужели молодой человек, ознаменовавший свое вступление в жизнь великим подвигом, - не исторический человек, потому что он мало жил; а старичок какой-нибудь - исторический человек, потому что он много жил? Не только много жила, но и много испытала древняя Москва, столица Московского царства; у ней есть своя история - никто не спорит против этого; но что же вся ее история в сравнении с великим эпосом биографии Петра Великого? А не тесно ли связан Петербург с этою биографиею? Отвергать историческую важность Петербурга - не значит ли не уметь ценить Петра для русской истории? Говоря об исторической святыне, спрашивают: где у Петербурга эти памятники, над которыми пролетели века, не разрушив их? Да, милостивые государи, таких памятников в Петербурге нет и быть не может, потому что сам он существует со дня своего заложения только *сто сорок один* год; но зато он сам есть великий исторический памятник. Всюду видите вы в нем живые следы его строителя, и для многих (и в том числе и для нас) такие маленькие строения, как, например, домик на Петербургской стороне, дворец в Летнем саду, дворец в Петергофе, стоят не одного, а многих Кремлей... Что делать - у всякого свой вкус! Петербург построен на расчете - правда; но чем же расчет ниже слепого случая? Мудрые века говорят, что железный гвоздь, сделанный грубою рукою деревенского кузнеца, выше всякого цветка, с такою красотою рожденного природою, выше его в

том отношении, что он - произведение *сознательного* духа, а цветок есть произведение *непосредственной* силы. Расчет есть одна из сторон сознания. Говорят еще, что Петербург не имеет в себе ничего оригинального, самобытного, что он есть какое-то будто бы общее воплощение идеи столичного города и, как две капли воды, похож на все столичные города в мире. Но на какие же именно? На старые, каковы, например, Рим, Париж, Лондон, он походить никак не может; стало быть, это сущая неправда. Если он похож на какие-нибудь города, то, вероятно, на большие города Северной Америки, которые, подобно ему, тоже выстроены на расчете. И разве в этих городах нет своего, оригинального? Разве в стенах города и в каждом камне его видеть *будущее*, не значит - видеть что-то оригинальное и притом прекрасно оригинальное? Но Петербург оригинальнее всех городов Америки, потому что он есть новый город в старой стране, следовательно, есть новая надежда, прекрасное будущее этой страны. Что-нибудь одно: или реформа Петра Великого была только великою историческою ошибкою; или Петербург имеет необъятно великое значение для России. Что-нибудь одно: или новое образование России, как ложное и призрачное, скоро исчезнет совсем, не оставив по себе и следа; или Россия навсегда и безвозвратно оторвана от своего прошедшего. В первом случае, разумеется, Петербург - случайное и эфемерное порождение эпохи, принявшей ошибочное направление, гриб, который в одну ночь вырос и в один день высох; во втором случае Петербург есть необходимое и вековечное явление, величественный и крепкий дуб, который сосредоточит в себе все жизненные соки России. Некоторые доморожденные политики, считающие себя удивительно глубокомысленными, думают, что так как-де Петербург явился не непосредственно, вырос и расширился не веками, а обязан своим существованием воле одного человека, то другой человек, имеющий власть свыше, также может оставить его, выстроить себе новый город на другом конце России: мнение крайне детское! Такие дела не так легко затеваются и исполняются. Был человек, который имел не только власть, но и силу сотворить чудо, и был миг, когда эта сила могла проявляться в таком чуде, - и потому для нового чуда в этом роде потребуются опять два условия: не только человек, но и миг. Произвол не производит ничего великого: великое исходит из разумной необходимости, следовательно, от бога. Произвол не состроит в короткое время великого города: произвол может выстроить разве только *авилонскую башню*, следствием которой будет не возрождение страны к великому будущему, а *разделение языков*. Гораздо легче сказать - оставить Петербург, чем сделать это: язык без костей, по русской пословице, и может говорить, что ему угодно; но дело не то, что пустое слово. Только господам *Маниловым* легко строить в своей праздной фантазии мосты через пруды, с лавками по обеим сторонам.

Иностранец Альгаротти сказал: "Петербург есть окно, через которое Россия смотрит на Европу", - счастливое выражение, в немногих словах удачно схватившее великую мысль! И вот в чем заключается твердое основание Петербурга, а не в сваях, на которых он построен и с которых его не так-то легко сдвинуть! Вот в чем его идея и, следовательно, его великое значение, его святое право на вековечное существование! Говорят, что Петербург выражает собою только внешний европеизм. Положим, что и так; но при развитии России, совершенно противоположном европейскому, то есть при развитии сверху вниз, а не снизу вверх, *внешность* имеет гораздо высшее значение, большую важность, нежели как думают. Что вы видите в поэзии Ломоносова? - одну внешность, русские слова, втиснутые в латинско-немецкую конструкцию; выписные мысли, каких и признака не было в обществе, среди которого и для которого писал Ломоносов свои риторические стихи! И однакож Ломоносова не без основания называют отцом русской поэзии, которая тоже не без основания гордится, например, хоть таким поэтом, как Пушкин. Нужно ли доказывать, что если

бы у нас не было *заведено* этой мертвой, подражательной, чисто внешней поэзии, - то не родилась бы у нас и живая, оригинальная и самобытная поэзия Пушкина? Нет, это и без доказательств ясно, как день божий. Итак, иногда и *внешность* чего-нибудь да стоит. Скажем более: внешнее иногда влечет за собою внутреннее. Положим, что надеть фрак или сюртук вместо овчинного тулупа, синего армяка или смурого кафтана еще не значит сделаться европейцем; но отчего же у нас, в России, и учатся чему-нибудь, и занимаются чтением, и обнаруживают и любовь и вкус к изящным искусствам только люди, одевающиеся по-европейски? Что ни говорите, а даже и фрак с сюртуком - предметы, кажется, совершенно *внешние*, не мало действуют на *внутреннее* благообразие человека. Петр Великий это понимал, и отсюда его гонение на бороды, охабни, *терлики*, *шапки-мурмолки* и все другие заветные принадлежности московитского туалета.

Вопросы:

- 1) Используя ваши знания об отечественной социальной мысли XIX века, определите - какой спор отразился в данном тексте? Приведите 1-2 примера отсылки к этому спору. К какой позиции в этом споре примыкает его автор?
- 2) Перечислите элементы того образа Петербурга, который критикует В. Белинский? Известны ли вам какие-то воплощения этого образа в художественных текстах? Какие аргументы в пользу самобытности Петербурга приводит русский критик?
- 3) Как описывается создание Петербурга? Укажите философские понятия, при помощи которых Белинский доказывает историческую значимость этого события?

Задание 3. Выберите и выполните одно из предложенных ниже творческих заданий: А, В или С (50 баллов).

А. Куратор

Ниже представлены две картины и один рисунок. Вы - куратор будущей выставки. Ваша задача концептуально объединить предложенные объекты и написать проект выставки. В проекте необходимо указать общую идею и цель, обозначить актуальность/значимость планируемой выставки; предложить ее название и написать ее краткую аннотацию; продумать тип выставочного пространства, последовательность расположения объектов и способы перемещения в нем посетителей, виды информационной и текстовой поддержки экспозиционного замысла; указать целевые аудитории и стратегии по их привлечению.

Теодор Жерико, «Плот «Медузы», 1819

Карл Брюллов, «Последний день Помпеи», 1833

«РЕВИЗОР». ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СЦЕНА. Рисунок Н. В. Гоголя (?)

«Ревизор». Заключительная сцена. Рисунок Н.В. Гоголя (?), 1830-е гг.

В. Режиссер.

Вы современный театральный режиссер и задумали спектакль, в основу которого положено стихотворение Бориса Пастернака «Снег идет» (1957). (Текст дан в приложении к заданию). Напишите концепцию будущего спектакля, чтобы привлечь к Вашему замыслу внимание будущих экспертов, грантодателей, спонсоров, критиков и просто зрителей. В концепции необходимо указать общую идею и цель спектакля, обозначить степень его актуальности/значимости, отразить ключевые историко-

культурные установки режиссера; придумать название спектакля, зафиксировать его жанровую принадлежность, написать краткую аннотацию (5 предложений); определиться с содержательными и формальными характеристиками будущего спектакля и техническими аспектами реализации замысла (тип театрального воплощения (драматический театр, театр кукол, «театр художника», балет, опера или мюзикл)? текстовые/визуальные/звуковые/перформативные «расширения» основного текста? число актеров? композиция спектакля? особенности временной и пространственной организации спектакля? тип сценического пространства, декорации и реквизит? и т.д.); описать формы взаимодействия со зрительской аудиторией.

«Снег идет» Борис Пастернак

Снег идет, снег идет.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплет.

Снег идет, и всё в смятеньи,
Всё пускается в полет,-
Черной лестницы ступени,
Перекрестка поворот.

Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

Словно с видом чудака,
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.

Потому что жизнь не ждет.
Не оглянешься — и святки.
Только промежутки краткий,
Смотришь, там и новый год.

Снег идет, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?

Может быть, за годом год
Следуют, как снег идет,
Или как слова в поэме?

Снег идет, снег идет,
Снег идет, и всё в смятеньи:
Убеленный пешеход,
Удивленные растения,
Перекрестка поворот.

С. Автор идеи/сценарист

Прочитайте рассказ Михаила Осоргина «По поводу белой коробочки» (опубл. 1947). Выявите культурологическую проблематику этого рассказа и придумайте интерактивное событие, ее отражающее (жанр события выберите сами: это может быть встреча, дискуссия, праздник, фестиваль, акция, флешмоб и т.д.). Зафиксируйте общую идею, цель, актуальность/значимость данного события и ключевые историко-культурные установки его организаторов (зачем оно проводится?); придумайте название события, его возможные тематические «расширения» (эпиграфы, цитаты, аннотация и т.д.), опишите содержательные и формальные характеристики события, технические подробности его реализации и организации (распространенность события во времени и пространстве (где, когда, как долго оно будет проводиться), число и состав участников, формы их взаимодействия, материальное и техническое сопровождение и т.д.), укажите целевые аудитории и стратегии по их привлечению.

"ПО ПОВОДУ БЕЛОЙ КОРОБОЧКИ"

(Как бы предисловие)

Одно время меня стала упорно преследовать белая коробочка от какого-то лекарства, коробочка белого некрашеного дерева с отлично пригнанной выдвижной заслонкой. Было достаточно сесть за стол с добрыми намерениями (я пером спасаю человечество), как сейчас же мысль отвлекала коробочка, не нашедшая ни места, ни применения. Выбросить такую коробочку свыше моих сил. Тут и любовь к деревянным предметам, особенно некрашеным, и сознание того, что коробочка есть продукт труда, и вообще жадность человека к вещам, во мне развитая до болезненности, так что я утопаю в бумажках, мундштуках, ножичках, пепельницах, скрепках для бумаги, острых и тупых карандашах, зажигалках, футлярах, гребешках, штемпелях, зубочистках, стаканчиках, календарях, одних разрезательных ножей шесть или семь штук, пять резинок, хотя ничего не стираю, губка для марок, всегда сухая, очки для дали, для близи, для чтения, для разговора, лупа большая и три маленьких, оставшаяся от фонарика лампочка, пипетка для бензина, складной метр, белый клей, точилки, ключики, от чего-то отпавшие и еще не приклеенные кусочки, ножницы газетные, да ножницы малые прямые, да кривые для ногтей и на случай заусеницы, да цветной детский кубарик с цифрами, три пинцета, и уж не говорю про чернильницы, про коробочки с неизвестными мелочами, про книги, про папки, про газеты - и все это только на столе, а если начать выдвигать ящики стола, и тот, где бумаги, и тот, где курительное, и тот, где столярные инструменты, и где фотографии, и где вообще то, что больше никуда не засунешь, или, если обвести глазами книжные полки и регистраторы, висящие защипочки с приглашениями и воззваниями, да портреты, да кружка пивная немецкая, да кинжал арабский, да тот самый пистолет, из которого Пушкин убил Лермонтова, да деревянная ложка, которою Суворов хлебал солдатские щи, да шахматы, да портфели и портфельчики, если, говорю я, всё это обвести деловым взглядом заданного и затравленного вещами человека, - то захочется из этой комнаты убежать в другую, где придется делать новую опись, начав с подсвечника в стиле Людовика XXVIII и кончив глиняным этрусским сосудом для испарения воды, который подвешивается к паровому отопителю и покупается в хозяйственных лавках.

Все это утрясается и находит свое место, так что иногда, не видя перед собою испорченного и давно уже, лишь за выслугу лет, сохраняющегося стило, испытываешь беспокойство и, оставив работу, принимаешься за поиски, куда оно к черту затерялось, и тут кстати, на тарелочке с мелочами, находишь бритвенный ножичек, щетины не режущий, но еще способный на много полезных дел, не знаю, каких именно, но чувствую, как это чувствовали изобретатели применения к делу предметов, утративших силу первоначального назначения, но вполне сохранивших первоначальный облик, совершенно так же, как и белая коробочка, грустно и обиженно слоняющаяся до стола, запинаясь за уже прижившиеся и уверенно стоящие на своих местах многочисленные предметы моего вещевого хозяйства. Найдя наконец стило (уходившее навестить свою тетку, щеточку от пишущей машины), водворяю его на обычное место в высоком ассирио-вавилонской работы металлическом стакане с пометкой "1926" и вижу, с каким презрением смотрит на него стило новое, носящее имя "товарищ Ватерман". И тут же жметесь и теснитесь вместе с другими орудиями писательского производства перо гусиное, серое и потрепанное, оставленное не за красоту, а за то, что гусю, мне его подарившему, было от роду восемьдесят лет, я же раньше и не подозревал, что гуси так долговечны. Иначе говоря, из хвоста того же гуся мог в Париже дергать перья, например, Иван Сергеевич Тургенев, который в ранние годы своего писательского труда писал, несомненно, перьями гусиными, и этот гусь мог знать Ивана Сергеевича еще не старым человеком, сам будучи уже достаточно взрослым и женатым на стаде жен, даже дедушкой. Попробуйте-ка решиться выбросить такое историческое перо, которым, может быть, написаны на рю де Риволи "Записки охотника"!

И вот, поставив перед собою, чтобы записать для потомства эти свои встречи с Тургеневым, машину с русскими буквами, которую я зову ласково Машей, в отличие от Пупси, машинки с латинским шрифтом, ревнивой и замкнутой, живущей у меня на положении терпимой иностранки (налоги полностью, права с ущербом),- я замечаю, что забыл слепить с бездушной оболочки чрезвычайно милых заграничных писем почтовые марки с изображением отрезанных королевских голов, невинных девушек, львов, рыб, голубя в шестиконечной звезде, скал и готических зданий. Старый законопослушный интеллигент, я считаю собирание марок воздействием наследственной психопатии и счел бы личным оскорблением, если бы меня заподозрили в филателизме; и я охотно опорожняю коробку с собранными сокровищами в карман первого зашедшего ко мне человека с признаками атавизма и остановившимся взором. Но бросать в корзину конверты вместе с головами королей, великих ученых и красноармейцев - мне не по силам. Марка - вещь, и у каждой вещи есть своя душа, не угасимая штемпелем. Возможно также, что мы не миримся с фактом мгновенной утраты некоторыми вещами их ценности без их физического уничтожения; символ не зачеркивается так легко. Если, например, на тысячефранковый билет надлежащей властью будет поставлен штемпель "Ничтожен" - вы все-таки его не выбросите, а будете носить в бумажнике, притом так, чтобы был виден кончик, когда в магазине "Юнипри" платите франк за шнурки для башмаков. Никогда у меня не поднималась рука выбросить металлическую коробку от табаку какого-то Скаферлати-Визир (не очень верю в его существование!); коробки

накапливаются десятками, сотнями, колоннами, тоннами, загромождают квартиру, пока не находится благодетель, радостно ахающий и уносящий их в три приема, причем я убежден, что и он не знает, что с ними делать. Не любопытно ли, например, что некоторые с удовольствием освобождаются от ненужной им газовой плиты, потому что перешли на электрическую, даже жертвуют в библиотеку прочитанные номера "Современных Записок" вместе с началами, концами и продолжениями начал и окончаний, то есть расстаются с длительными ценностями, но никогда в своей жизни не решились бросить в сорный ящик одно "маленькое су", никчемно валяющееся на столе, на которое уже нельзя купить даже металлического колесика от ножки подержанного депутатского кресла? И я хотел бы видеть человека, носящего на носу семь близоруких диоптрий, который не сохранял бы неизвестно для чего стекла очков своей молодости, хотя сквозь эти стекла он уже не способен прочитать даже заголовок о похищении нового генерала; разве что у него есть дети, подающие надежду на такую же близорукость. И я должен сознаться, что пришел в восхищение, когда один вполне родственник мне по духу человек аккуратненько срезал острым ножиком остатки щетины на истертой зубной щетке, а костяную ее рукоятку спрятал, потому что мало ли на что она может понадобиться, например - размешивать какую-нибудь смесь, или же можно из нее выточить потерянные фигурки карманных шахмат, для чего достаточно приобрести токарный станок и хорошенько подучиться на нем работать. Он же срезает с изношенных помочей металлические части и накопил бы их очень много, если бы не случайные утраты имущества, связанные с революционными событиями. После этого можно ли удивляться, что мне не дает покоя белая деревянная коробочка от патентованного лекарства, потерянно гуляющая по моему столу: и она найдет свое место! Поставим вопрос шире и научнее. Есть несомненная духовная связь между гоголевским Плюшкиным и Иваном Калитой, как между последним и Владимиром Лениным, изрекшим, что "в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится". Это мудрость людей кондовых, людей от земли, понимающих, что такое компостная куча, как она составляется и какие выгоды сулит хозяйственному мужичку. Плюшкин напрасно Гоголем изображен в таком неприглядном виде. Имея достаточно оснований не любить людей (даже родная дочь его обидела), неистраченную любовь он перенес на вещи. В молодые годы он был прекрасным хозяином и семьянином. "Слишком сильные чувства не отражались в чертах лица его, но в глазах был виден ум: опытностью и познанием света была проникнута речь его, и гостю было приятно его слушать". Он был по природе скопидомом, и в это слово следует вдуматься: оно по корню своему имеет смысл положительный. И Плюшкин был виноват лишь в том, что пришла старость и пришло одиночество и он перестал отряхивать пыль с накопленных вещей и вещичек и уже не берег вещей, а губил их - заплесневел сухарь, засох лимон, высохли чернила, как в чахотке, пожелтела зубочистка и в рюмку попали три мухи. А пройдишь Плюшкин по вещам-пылесосом, - и заблестели бы они спокойной красотой и уютом домовитости. Не ценил Плюшкин только человеческих мертвых душ, почему и продал их Чичикову по столь невероятно низкой цене: по 32 копейки ассигнациями за штуку.

Как плесенью сухарь, покрываются паутиной времени милые вещи, и у каждой из них есть своя биография. Бывают фамильные серебряные ложки, съеденные с левого боку. В скольких ртах они побывали, скольких зубов коснулись, сколько раз наблюдали, как мягкий пух над верхней губой сменялся русым волосом и колючей седой щетиной. Бывают печати и печатки, на своем веку замкнувшие тысячу тайн, слов деловых, любовных, дерзких, презрительных, просительных, холодных, пылких, сдержанных, свидетели житейских трагедий и водевилей. Потемневшим серебром отделана ручка костяного ножа, спутника многих дум и эстетических радостей, участника безмолвных бесед, товарища в мучительной бессоннице. Я знаю медное проволочное колечко с грошовым кораллом, одно из двух купленных на базарном лотке в чужом приморском городе; шумела пестрая толпа, пахло цветами и пригорелым оливковым маслом, шатались люди, ошалелые от жары и праздничного восторга, лошадиные морды были украшены перьями и бумажными цветами, в процессиях колебались раскрашенные мадонны, к приходу сумерек были заготовлены бумажные фонари на протянутых через улицу проволоках,- и два одинаковых кольца были куплены с шутливым смехом и великим смущением. Сколько есть на свете превосходных тайн! И вот наконец последний рассказ о карманных часах, дешевых, но очень хороших, подаренных мальчику, который ими гордился, пока, подросши и став студентом, не увидел у богатого товарища золотой хронометр. Тогда он изменил своим детским часам для других, и много раз в течение своей долгой жизни повторял измену. Но с ним, по путям жизни и любви, городам и весям невольных странствий, путешествовали и эти старые часы в обшарпанном футляре, забытые среди других вещей и вещиц, которыми обрастает человек. Случайно встречаясь с ними во время редких походов в прошлое, он считал их сломанными, но не решался выбросить, потому что... как же все-таки бросить вещь, связанную с какими-то смутными воспоминаниями? И должен был прийти такой день,- и он пришел,- когда ко внешне ничтожному вернулась внутренняя ценность, понимаете: вместе с листками пожелтевшей от времени бумаги, с выцветшими снимками милых и смешных лиц, ну, там еще с чем-нибудь, что способно вернуть обратно ленту жизни. И тогда, нажав пуговку футляра, он вынул эту уморительную и пугливую вещицу, часы состарившегося мальчика, и пальцами большим и указательным попробовал завести пружину, без надежды, но с трогательной осторожностью. И его часы, забыв обиду и зачеркнув протекшее так незаметно для них время, погнали стрелку вперед с того самого места, где ее когда-то остановила раскрутившаяся и уснувшая пружина. Учтите: каких полвека были списаны со счета, каких страшных полвека, как одна незначущая минута, как легонькое забытье, послеобеденный сон, мелькнувший верстовой столб, пролетевшая птица! Он плотно приложил часы к уху, потому что уже плохо слышал, и стекло коснулось седины висков, как раньше касалось волос шелковистых, и когда, довольный, стал переводить стрелку, в круглом стекле вынырнуло и забегало отражение верхней лампочки веселым и молодым огоньком. И больше ничего, если не довольно этой сцены, подсмотренной в шелку костлявой и злорадной женщиной, которая хотела удостовериться, дома ли хозяин, к которому она послана сообщить, что его срок истек.

